

Поэтика Лескова

Познания и опыт Лескова-искусствоведа определяют основы его эстетики. Систему его воззрений на искусство и литературу нетрудно установить по конкретным высказываниям самого писателя. В его письмах и беседах мы находим развернутое изложение принципов его поэтики и методов его творческой работы.

В основу литературной эстетики Лескова положена мысль о теснейшем соприкосновении художника с современной действительностью. Он признавал величайшим преимуществом для писателя непосредственное столкновение с жизнью, жадное накопление личного опыта и живых наблюдений. Основой писательского труда он считал глубокое погружение в современность. Отсюда реалистические приемы его письма.

«Я выдумываю тяжело и трудно, – писал Лесков 10 декабря 1884 года, – и потому я всегда нуждался в живых лицах, которые могли меня заинтересовать своим духовным содержанием. Они мною овладевали, и я старался воплощать их в рассказах, в основу которых тоже весьма часто клал действительное событие. Так почти написано все...»

Лесков отрицает «тенденциозность» своих писаний. «Я только или описывал виденное и слышанное, или же развивал характеры, взятые из действительности». В творческой системе Лескова эти живые и подлинные образы играли первостепенную роль.

«Хорошо иллюминировать те истории, где можно живописать характеры, – пишет он в одном из своих посланий... я не мастер вообразить сцену, не зная ни одного характера. Самое главное в этом деле – живые черты характеров».

Такая художественная характерология представляла, по Лескову, основу повествования. Он формулировал три основных закона образцового литературного произведения: 1) верность характеров, 2) артистичность формы, 3) строгость композиции.

Конечно, всякая фотографичность или стенографичность были чужды Лескову. Материалы действительности он по-своему комбинировал, расцвечивал и располагал.

Проблема «вымысла» и его соотношения с «правдой» была тонко продумана Лесковым. Он, несомненно, с большим искусством дозировал элементы фантазии и действительности. Получался своеобразный чисто лесковский жанр рассказ-полубыль, как определяет этот вид сам автор. «Здесь описана правда, смешанная с вымыслом и затушеванная, чтобы иметь право быть печатаемой», – сообщает Лесков в одном из своих писем.

Таким образом, основной эстетический закон Лескова, пронизывающий всю его творческую практику, — это сочетание углубленного изучения и яркой изобразительности. Все его произведения определяются этими двумя характернейшими моментами — научной основой и пластическим оформлением. Лев Толстой тонко отметил в Лескове не только «оригинальный ум», но и «большой запас самых разнообразных познаний». Ученый мастер, художник-книжник, пылкий исследователь с развитым артистическим чутьем, недаром он даже об идеях, убеждениях и верованиях говорил, как об «изяществах». Выработанный художественный инстинкт постоянно сочетался в нем с пристальным усвоением разнообразнейших сведений, накопленных человеческим опытом и как бы дающих свое цветение в искусстве этого замечательного сказочника.

Как каждый крупный художник, Лесков вырабатывал свою творческую форму, искал новые жанры, отходил от общепризнанных классических канонов, создавал самобытные виды повествования. Чрезвычайной широтой отличался его жанровый диапазон, предопределивший и богатство его стилевых форм.

«У Лескова нет одной определенной манеры письма, – отмечал в 1894 году критик “Недели”, – все таинства литературного контрапункта ему доступны, все стили и пошибы ему известны».

В литературном наследии Лескова мы действительно находим едва ли не все виды повествовательной прозы — от больших романических хроник до легких беллетристических миниатюр, — неизменно свидетельствующие о неутомимых художественных исканиях, разнообразнейших литературных опытах и богатейшем словесном репертуаре их автора. В малых жанрах Лесков различал рассказ-быль, рассказ-фельетон, рассказ-обозрение, рапсодию, пейзаж и жанр, картинки с натуры и пр. Помимо беллетристических страниц, Лесков оставил произведения биографические («Загадочный человек») и мемуарные («Печерские антики»), исторические очерки и документальные публикации, одно драматическое произведение («Расточитель») и ряд журнальных статей критико-художественного и публицистического характера.

В своей поэтике жанров он исходил из положения:

«Наилучшая форма для каждого писателя та, с какой он лучше управляется».

Особенно он любил рассказ в форме воспоминаний, и значительная часть его произведений строится на такой мемуарной основе.

Другой излюбленный жанр Лескова — биографический. Обычный принцип построения его фабул — развертывание жизни героя, иногда подлинного, в большинстве случаев вымышленного. Как пример можно привести его повесть «Очарованный странник».

Наконец, влечение к живому, тонкому и находчивому рассказу обращало Лескова к анекдоту, остроумной реплике, каламбуру. Одно время Лескова даже считали по преимуществу «писателем-анекдотистом», а его творчество определяли как тысячу и один анекдот.

Весьма характерен для Лескова и жанр хроники.

Одним из основных законов лесковской композиции является занимательность рассказа.

«Я думаю заодно с теми, кому кажется, что «все роды хороши, кроме скучного», — писал он одному из своих редакторов. Я люблю вопросы живые и напоминания характерные, веские и поучительные... Что интересно, весело, приправлено во вкусе и имеет смысл, то и хорошо».

«Я, как говорит Гончаров, всегда и непременно выдеру где-то интересное... И все знают и говорят, что... “Лесков дает вещи интересные”, и я это принимаю без жеманства за истинную правду... Мне всегда верили в том, что моя работа имеет интересность».

Так формулирует Лесков первое условие правильной композиции: занимательность, живость, «интересность». Все это было призвано служить главной задаче автора — захватить внимание читателя и любой ценой удержать его заинтересованность до конца рассказа.

С этой задачей была связана другая забота Лескова — о богатстве и разнообразии фабулы. Он неоднократно высказывал свои сожаления по поводу оскудения сюжетов в современной русской беллетристике. «Романы, сюжеты которых заимствованы из времен Петра Великого, Бирона, Анны Ивановны, Елизаветы и даже императора Александра Первого, далеко не безупречные в отношении мастерства рассказа, отнюдь не страдают «бедностью содержания». Однако в эпоху Николая I писатели от современной политической жизни были вынуждены обратиться к «тончайшей разработке самых мелких душевных движений». Художественный психологизм поглотил и отменил увлекательную сюжетность рассказа.

Обращение писателей к социальным противоречиям 1860-х годов привело, по мнению Лескова, и к возрождению сюжетности в русском романе. После Севастопольской кампании русская жизнь наполнилась богатейшим содержанием, представляющим высокую ценность для большого общественного романа на сюжетной основе. Новому материалу должна была соответствовать и новая форма. Интимную повесть, лирическую новеллу, психологический роман должен был сменить новый вид приключенческого, уголов-

ного, фельетонного эпоса обо всех противоречиях и «тайнах» современной жизни. Актуальная общественная проблематика должна была сочетаться в новейшем романе с острой сюжетностью. Так строились полемические романы Лескова, и это оставило заметный след на построении его повестей и рассказов. От персональной исповеди на основе единой личной драмы Лесков зовет к широкому полотну взволнованной и бурной эпохи. Это в корне видоизменяет основной композиционный закон: изолированной и цельной новеллистической композиции противопоставлена непрерывная и безостановочная смена событий. Роман уступает место хронике.

«Я буду рассказывать все это не так, как рассказывается в романах, – открыто заявляет читателю Лесков о необычных путях своего сказа. – Я не стану усекать одних и раздувать значение других событий: меня к этому не вынуждает искусственная и неестественная форма романа, требующая закругления фабулы и сосредоточения всего около главного центра. В жизни так не бывает. Жизнь человека идет как развивающаяся со скалки хартия, и я ее так просто и буду развивать лентою».

Это очень важные признания. Ими писатель определяет свой основной композиционный закон: не группировать события вокруг главного центра, а развивать их лентою, не замыкать их в круг, а разворачивать вширь «хартией». Не традиционный роман, а хроника, очерк или серия зарисовок, фельетон с художественным уклоном и возможностью продолжения, собрание картинок или воспоминаний «по поводу» и «кстати», стилизация различных видов искусства, преимущественно народного, наконец, и слегка беллетризованные мемуары и документы — все это представляет ряд оригинальных, вполне «лесковских» повествовательных жанров без концовок, способных потенциально разворачиваться далее и создавать циклы малых рассказов.

Таковы были основные конструктивные принципы Лескова, отвечавшие его писательским потребностям и приводившие к полноценным результатам.

Постоянно заботясь об облегчении читателю восприятия рассказа, Лесков выработал ряд особых приемов для повышения общей занимательности своего текста. Так, в целях оживления читательского внимания он разбивает обычно рассказ на небольшие главы, выделяя беглый переход повествования в самостоятельную краткую главку, размером иногда в несколько строк. Этим достигается также более отчетливое выделение данного эпизода, как бы усиление направленного на него освещения. «Я пишу маленькими главками», – формулирует он один из основных законов своей композиционной системы. Этим даром разрезать рассказ и поднимать к нему интерес умелым распределением частей Лесков владел в совершенстве. Он создал свой самостоятельный тип сечения новеллы, — и общий облик его рассказов, где быстро чередуются короткие главы, возобновляясь почти на каждой странице, создает то легко обозримое целое, которое без напряжения или усталости воспринимается читателем.

Не меньшее значение придавал Лесков и заглавиям своих произведений, считая важным поразить внимание читателя еще до начала чтения. Он считал, что заглавие должно быть «живым», «звучным и заманчивым», легко запоминающимся. Отсюда его склонность к необычным, загадочным, интригующим или не вполне понятным терминам в обозначении своих произведений (например, «Тупейный художник»).

Высшее качество заглавия, по Лескову, — его запоминаемость. «Я даю заглавие по первому впечатлению», – сообщает он в одном из своих писем. Но, несомненно, это «первое впечатление» нередко сильно перерабатывалось и изменялось. Так, первое заглавие «Очарованного странника» имело пространное продолжение — «его жизнь, опыты, мнения и приключения».

Наряду с заглавием, такую же функцию искусственного возбуждения читательского внимания имеют и эпиграфы. Изречение, стих или обстоятельная цитата, поставленная перед изложением, придают ему особый тон, возвещают характер сюжета, кратко сигнализируют о содержании рассказа. Они бегло определяют основной замысел или общий

стиль произведения и нередко служат возбуждению, читательского интереса. Лесков широко применяет этот прием расцвечивания своего текста выразительными отрывками известных авторов. Здесь, конечно, ему приходит на помощь его обширная начитанность. Народные песни и сказания, поговорки, церковные книги, иностранные и русские авторы (мы находим у Лескова эпитафии из Гете, Майкова, Феофана, Даля, Тургенева, Пушкина, Фета и др.).

Характерно, что часто до написания произведения Лесков уже тщательно обдумывал ее заглавие, подзаголовки и эпитафию.

Таковы были отдельные приемы той сложной системы, которая легла в основу живо-го, пестрого, изменчивого и занимательного лесковского изложения.

Одним из основных заветов Лескова было предельное совершенство художественного создания и, в связи с этим, упорная работа автора над своим замыслом. Безукоризненность и законченность произведения искусства требует от художника высшего напряжения сил. Поэтика Лескова основана на труде и стимулируется, как и у Бальзака, непреклонной волей творящего мастера. Он не верил в наитие и в безболезненное рождение красоты. Одним из принципов писательской работы Лескова была неутомимость в переделках, шлифовке и отделке своих рукописей. В одном из своих посланий Лесков писал:

«Помните, что основное правило всякого писателя переделывать, перечеркивать, перемарывать, вставлять, сглаживать и снова переделывать. Иначе ничего не выйдет».

Часто о том или ином своем произведении Лесков говорит, что оно написано только вдоль и что его еще надо пройти впоперек, то есть вслед за построением и развитием сюжета необходимо тщательно отделать, углубить и обогатить стиль рассказа. Он пишет редактору «Русской мысли» о переработке своих рукописей:

«...это очень важно, когда автор отходит от сделанной работы и потом читает ее уже как читатель. Тогда только видишь многое, чего никак не замечаешь, пока пишешь. Главное – вытравить длинноты и манерность и добиться трудно дающейся простоты».

«Я по пять-шесть раз переписываю».

Так неутомимо и упорно, переделывая первоначальные записи и подвергая новым переработкам ранние редакции, с огромной требовательностью к себе и «со всем старанием» строгого художника, влюбленного в свой труд, работал автор «Запечатленного ангела».

По Л. Гроссману